

Подножие гор Чжуннань.

Войска монголов и адепты секты Цюаньчжэнь сошлись в яростной схватке.

Го Цзин, подобно богу войны, прорывался сквозь ряды врагов, разметая монгольских солдат в разные стороны. Семь мудрецов Цюаньчжэня выстроились в формацию Тяньган Бэйдоу, словно дракон, виляющий хвостом, отсекая натиск монгольского воинства.

Хотя стороны и сражались, они всё же сохраняли некоторую сдержанность — до смертоубийства дело пока не дошло.

— Выдайте нам принца Ходу и господина Даэрба, иначе все вы отправитесь на тот свет! — проревел монгольский военачальник, чье лицо исказилось от ярости.

Го Цзин ответил глухим, твердым голосом:

— Я уже много раз повторял: Ходу у нас нет!

— Упрямы! Лучники, пли! — лицо офицера помрачнело, и он отдал приказ.

Лучники дружно выступили вперед, и ливень стрел со свистом прорезал воздух, мгновенно унеся жизни многих даосов.

— Это уже слишком! Старший брат-наставник, по-моему, эти монгольские псы вовсе не ищут никого, они пришли лишь для того, чтобы уничтожить нашу секту Цюаньчжэнь, — прошипела Сунь Буэр, скрежеща зубами.

— В атаку! — Цю Чжуцзи, сверкнув гневным взглядом, одним взмахом меча разрубил сразу нескольких солдат.

— Убить их всех!

Видя, как гибнут их ученики и последователи, семь мудрецов Цюаньчжэня перестали сдерживаться. Там, где проходила их формация, враги падали, словно скошенная трава.

— Огненные стрелы! — увидев это, военачальник отдал новый приказ.

Лучники подожгли пропитанные маслом наконечники, и последовал залп. В горах вспыхнуло пламя, которое начало стремительно распространяться.

Мужун Фу, покинув уютное пристанище, добрался до склона горы. Ступая по верхушкам деревьев, он издали наблюдал за битвой и невольно нахмурился:

— Никакого уважения к экологии. Когда я объединю девять областей, первым делом издам

железный указ: за поджог лесов — пожизненное заключение!

Мир боевых искусств в Центральных равнинах делился на девять областей: Чжунчжоу, Циньчжоу, Ханьчжоу, Суйчжоу, Танчжоу, Сунчжоу, Юаньчжоу, Минчжоу и Цинчжоу. Область Сунчжоу была самой слабой среди всех, и виной тому были не школы боевых искусств, а императорский двор династии Сун, известный своей бесхребетностью и внутренними распрями, разделившими страну на Северную и Южную Сун.

Агрессия разгоралась, как пожар, и исход мог быть только один — битва не на жизнь, а на смерть. Понаблюдав некоторое время, Мужун Фу потерял интерес и бесшумно удалился.

Не успел он вернуться к Древней гробнице, как навстречу ему вышла матушка Сунь. Взволнованно она произнесла:

— Зять мой, на горе пожар, густой дым доходит до нас.

Мужун Фу задумчиво ответил:

— Сначала войдем в гробницу, мне нужно кое-что вам сказать.

Внутри гробницы Ли Мочоу и Сяо Лунной смотрели на Мужун Фу. Тот с чувством произнес:

— Есть кое-что, что я скрывал от вас долгое время.

Ли Мочоу нервно сжала край своего платья. Сяо Лунной же проговорила:

— Мужу не нужно ничего нам рассказывать. Лун'эр достаточно знать, что ты — мой муж.

Услышав это, глаза Ли Мочоу засияли, и она согласно кивнула:

— Верно! Муж, у каждого есть свои секреты, тебе не обязательно делиться ими с нами.

Мужун Фу смотрел на них с нежностью. Разве можно желать большего, имея таких жен? Конечно, слепая влюбленность — вещь не самая разумная, но если речь идет о собственных женах, то никаких проблем.

Матушка Сунь, стоявшая рядом, была ошеломлена: неужели так можно? Она подумала про себя: Старуха прожила почти сто лет, но такого чудотворца еще не видела. Если бы Ван Чунъян обладал хотя бы половиной его умения, госпожа не скончалась бы в такой горечи...

Мужун Фу взял обеих женщин за руки и покачал головой:

— Лун'эр, Мочоу, я должен признаться вам. На самом деле моя фамилия не Ли, и зовут меня не Ли Фэйюй. Мое настоящее имя — Мужун Фу.

— Твоим же методом — по тебе же! — воскликнула матушка Сунь, перебивая его.

Мужун Фу подтвердил:

— Именно так. Я и есть Южный Мужун, мастер возвращения удара, глава клана Мужун из Сучжоу. Сейчас на горе Чжуннань беспокойно, я хочу забрать вас в Яньцзыу.

Пока он говорил, черты его лица слегка изменились, явив истинный облик, исполненный мужского обаяния. Он был на девять десятых похож на Ли Фэйюя, но аура была совершенно иной. От Ли Фэйюя веяло дерзостью и развязностью, тогда как от Мужун Фу исходило благородство и утонченность истинного джентльмена.

Сяо Лунньюй, не сводя с него глаз, прошептала:

— Как бы тебя ни звали, ты навсегда останешься мужем Лун'эр.

— И моим тоже! — Ли Мочоу обняла его за руку, источая предельную нежность.

На спуске с горы они столкнулись с отступающими даосами секты Цюаньчжэнь. Пожар разгорался, густой черный дым окутал весь горный хребет. Даосам было не до Мужун Фу и его спутниц — они спешили тушить огонь. Лишь один молодой даос обернулся и задержал взгляд на них.

Его звали Чжэнь Чжибин. Три года назад, в одну прекрасную лунную ночь, он, как обычно, тайком наблюдал у ручья возле гробницы за тем, как фея тренируется под луной. Неожиданно появился незванный гость и ударом из засады лишил его сознания. Когда он очнулся, его мужское достоинство исчезло без следа. С того дня его путь даоса был предрешен. Та лунная фея стала его несбыточной мечтой. Он думал, что больше никогда ее не увидит, но сегодня снова встретил ее. Однако теперь фея держала на руках младенца, а на ее лице сияла материнская нежность — все это говорило о том, что она уже принадлежит другому.

Сердце Чжэнь Чжибина было спокойно, сожалений не было. Лишь память о безвозвратно ушедшей юности.

Мужун Фу заметил перемену в выражении лица Чжэнь Чжибина и приподнял бровь: даже будучи оскопленным, он всё еще строит из себя драму? Неужели не до конца дорезали?

Спеша изо всех сил, спустя три дня они достигли города Сучжоу. Ли Мочоу и Сяо Лунньюй редко покидали гробницу, поэтому с любопытством озирались по сторонам. Матушка Сунь следовала за ними, неся на руках Ли Синьэр и Ли Сюньэр.

— Какие красавицы, — на втором этаже постоялого двора сухощавый мужчина с крысиными глазками щелкнул веером, и его взгляд загорелся.

— Четвертый, не вздумай действовать самовольно. Если сорвешь дело старшего, тебе не поздоровится, — рядом сидела женщина в красном, баюкающая младенца.

— Пф! — сухощавый мужчина не придавал ее словам значения, продолжая пожирать взглядом красавиц на улице.

Напротив сидел здоровяк с бычьей шеей. Осушив чашу вина, он громко произнес:

— Что в бабах хорошего? Хрупкие слишком. Мои огромные ножницы разрежут их пополам одним махом.

— Да что ты понимаешь... — начал было огрызаться сухощавый, как вдруг в него полетел сгусток энергии.

Он инстинктивно увернулся, и снаряд, который должен был попасть в переносицу, пробил ему ухо, оставив аккуратную дырочку.

— Кто посмел напасть исподтишка?! — мужчина был в ужасе, он едва не распрощался с жизнью. Ругаясь, он, однако, поспешил спрятаться под стол.

Женщина в красном и здоровяк вскочили, схватились за оружие и уставились в окно.

— Увернулся? — Мужун Фу был слегка удивлен. Не зря Юнь Чжунхэ называют мастером — боевые навыки, может, и посредственные, но мастерство легкой поступи на высоте.

Поняв, что внезапная атака не удалась, Мужун Фу открыто вышел вперед и сурово произнес:

— Четыре Злодея осмелились показаться в моем Сучжоу? Какая дерзость!

— Четыре Злодея? — окружающие мастера боевых искусств замерли от ужаса. Эти четверо были печально известны своей жестокостью и мастерством, для обычного воина встреча с ними означала неминуемую смерть.

В этот момент младенец на руках у Е Эрнян проснулся и громко заплакал. Женщину это взбесило, и она уже собиралась свернуть ему шею. Мужун Фу бросился вперед, его меч сверкнул радугой, и скорость была столь велика, что Е Эрнян пришлось отступить. Младенца она отшвырнула в сторону, используя его как щит.

— Бесчестная Е Эрнян, даже младенца не пощадила! Твоя смерть предрешена! — Мужун Фу подхватил ребенка, его взгляд был холоден и беспощаден.

— Ты Мужун Фу? Южный Мужун и Северный Цяо Фэн — слухи о тебе не лгут, — Е Эрнян поправила растрепанную мечом прическу, она была на волосок от гибели.

— Мужун Фу, попробуй мои ножницы! — Юэ Лаосань, сжимая огромные стальные ножницы, бросился в атаку, опрокидывая столы.

Мужун Фу нанес удар мечом, столкнувшись с лезвиями ножниц. Его легкий, изящный клинок не дрогнул, словно был посохом Царя Обезьян.

— Меч Лунчэн! Сокрушай! — Мужун Фу тихо произнес, и лезвие меча озарилось ослепительным сиянием.

Ножницы вылетели из рук Юэ Лаосаня, а в перепонках между его пальцами лопнула кожа. Он отлетел назад. Е Эрнян бросилась, чтобы поймать его, но инерция была столь сильна, что они оба врезались в стену, пробив в ней огромную дыру.

Пх! Оба одновременно сплюнули кровь.

— Какая мощная внутренняя сила! — лицо Е Эрнян исказилось от страха. Даже у их главаря Дуань не было такой мощи.

<http://bllate.org/book/21265/2154434>